

Михаил Петрович Арцыбашев

Сказка старого прокурора

Михаил Арцыбашев

Сказка старого прокурора

«Public Domain»

1912

Арцыбашев М. П.

Сказка старого прокурора / М. П. Арцыбашев — «Public Domain», 1912

«Вечер был холодный, уже совсем осенний. Над поредевшими деревьями сада и черными крышами сараев остро блестел тоненький синий месяц, и в холодном небе блеск его был тревожен и загадочен. Молча смотрел он на черную неподвижную землю, в которой не чудилось живой жизни, и что-то видел, что-то понимал, чего никогда не узнать и не понять людям. Так над огромной черной могилой ночью встает таинственный синий огонек и тихо стоит над поникшими травами, молчаливо грустя над чьей-то неисповедимой судьбой...»

Михаил Петрович Арцыбашев

Сказка старого прокурора

Вечер был холодный, уже совсем осенний. Над поредевшими деревьями сада и черными крышами сараев остро блестел тоненький синий месяц, и в холодном небе блеск его был тревожен и загадочен. Молча смотрел он на черную неподвижную землю, в которой не чудилось живой жизни, и что-то видел, что-то понимал, чего никогда не узнать и не понять людям. Так над огромной черной могилой ночью встает таинственный синий огонек и тихо стоит над поникшими травами, молчаливо грустя над чьей-то неисповедимой судьбой.

На балконе старого барского дома одиноко горела свеча в стеклянном колпаке, и толстая с короткими пальцами рука бывшего прокурора неприятно ползала по залитой красным вином скатерти, посреди грязных тарелок и стаканов, бросая черную паучью тень.

Старый прокурор давно жил в этой забытой усадьбе вымерших бар. Он совсем опустился, опился, обрюзг, и его огромная косматая голова напоминала угрюмую морду старого медведя, издыхающего где-нибудь в лесной глуши, никому не нужного, злого и одинокого.

И голос у него был такой глухой, как будто говорить ему давно не приходилось, а слушать нужно было только разве уханье выпи над болотом. Только порой, когда он раздражался, в толстом горле его что-то злобно взвизгивало.

– Так-то, мой дорогой друг! – говорил он молоденькому франтоватому следователю Веригину, поневоле заехавшему к нему дорогой с одного дальнего следствия на другое. – Это только так принято думать... потому что удобней... будто вся беда происходит от несовершенства суда и правовых отношений. А на самом деле причина лежит гораздо глубже... Нет такой формы возмездия, которая не таила бы в себе прямой или косвенной, но непременно самой варварской, глупой и жестокой несправедливости. Я, знаете, пришел к тому заключению, что если есть вообще форма возмездия, которой можно отдать предпочтение хотя бы в силу ее внутреннего смысла, то это только – форма личного возмездия... Да, дорогой мой!.. Это так, и вольтерьянцы напрасно ропщут. Грустно, но факт! Печально, но естественно!.. Да!.. Дайте-ка мне бутылочку, мой друг, я выпью. Холодно уже становится... Ранняя в этом году осень. И не запомню.

– Послушайте, Кирилл Кириллович! – возмущенно крикнул Веригин. – Ведь это же черт знает, какая бессмыслица, о чем вы говорите!.. Отдаете ли вы себе отчет?.. Ведь это же варварство, самосуд, закон Линча!

Старый прокурор отяжелевшим взглядом пьяного человека посмотрел на своего гостя и уродливо искривил губы.

– Птенчик вы мой зеленый! – вдруг с неожиданной злостью сказал он. – А почему вы знаете: может быть, закон Линча и есть та идеальная, единственно разумная форма правосудия, вокруг и около которой человечество будет ходить вечно и на которую так-таки и не набредет никогда. Может быть, потому, что мужества не хватит, а может быть... Впрочем, если бы и набрело, то от этого только еще большая беда вышла бы!

Старый прокурор замолчал и стал тянуть вино, вытянув толстую нижнюю губу. Крупные, красные, как кровь, капли тяжело падали на его нечистый парусиновый жилет и расплывались мутными пятнами; а дряблое толстое горло набухало и спадало, как будто в нем двигалось что-то круглое и живое.

– Если вам так нравится закон Линча, то почему же вы думаете, что от него еще большая беда произошла бы?.. Казалось бы – наоборот! – с усиленной иронией произнес следователь.

– Разве мне закон Линча нравится? – удивился прокурор, как будто бы не совсем искренно. – Мне ровно ничего не нравится!.. Отдаю предпочтение, друг мой... отдаю пред-

почтение, а не нравится... В этом глубокая разница!.. Прошу заметить. А беда произошла бы вот почему: огромное большинство людей живет только потому, что права личного возмездия не существует в современном строе. Да вряд ли когда-нибудь в чистом виде и существовало!.. Вообразите, что произошло бы, если бы каждому человеку надо было бы это право!.. Ведь на всем земном шаре, дай Бог, чтобы нашлось две сотни человек, которых бы никто не тронул, как людей действительно не вредных, не подлых, не сделавших во всей жизни ни одного преступления... или по крайней мере не мешающих жить другим!..

– Что вы говорите! – махнул рукой Веригин. – Это парадокс!

– Нет, это не парадокс, а справедливость!.. Ну, попробуйте из среды известных вам людей припомнить, для опыта, хоть полдесятка таких, о которых вы с уверенностью и полной искренностью, положив руку на сердце, могли бы сказать: да, им жить можно и стоит, ибо они не сидят на чужой шее, ибо из-за них так или иначе не гибнут человеческие жизни, ибо ничего они не отнимают, никому не мешают и жизнь их совершенно лишена сомнительных пятен!.. Будем так говорить: ведь такие люди, по справедливости, достойны были бы рая Господня! Ибо, по старому верованию, эти безгрешники были бы праведниками и святыми. Только на пороге рая, святости прекращается грех, а что по сю сторону порога, то так или иначе достойно кары. А? Не правду я говорю?

Веригин с досадой смотрел на старого прокурора, не мог понять, шутит он или говорит серьезно, но инстинктивно чувствовал в его словах что-то обидное. И росла в нем положительная ненависть к его коротким пальцам, грязному парусиновому жилету и отвислому подбородку, бритому, как у старого актера, но только, очевидно, очень давно.

– Разовьем эту картину, – с открытым злорадством и насмешкой продолжал прокурор, не дождавшись ответа, – представим себе рай, настоящий рай, как он рисуется нам с детства... Этакая голубая высь, не то что сад, а так, одно сияние, свет, благоуханье, ангелы в дезабилье и так далее... И пустите вы туда мысленно всех, кого знаете... офицеров, аптекарей, попов, чиновников, гимназистов, студентов, барышень и дам... Не покажется ли это очевидной нелепостью и не станет ли нам чуточку стыдно, как будто мы и вправду совершим нечто глупое, неловкое и даже вовсе неприличное...

– Что за глупости... При чем тут рай! – сердито возразил Веригин.

– Рай только так... для образа... как символ безгрешности... место, где можно вообразить только человека без единого пятнышка...

И старый прокурор с явным и наглым цинизмом прибавил.

– И ведь признайтесь, что из всех ваших знакомых, если кого вы и можете себе представить в этом месте, идеже несть ни болезнь, ни воздыхания, ниже пакость какая-нибудь, то это разве штук пять хорошеньких и непременно невинности не лишенных девушек!.. Так ли? Правду я говорю?..

– Послушайте...

– Нет... Ведь правда же?.. Например, Женечка Телепнева?.. А?.. В таких райских одеждах, в достаточной мере прозрачных... А?

Стало ясно, что прокурор знает о чувствах Веригина к Женечке и просто издевается над ним.

– Послушайте! – громче выкрикнул следователь, весь вспыхнув и приподнимаясь.

Но старый прокурор вдруг страшно испугался. Он привстал, схватил следователя за обе руки, почти насильно усадил на стул и залепетал умоляюще:

– Ну, ну, ну... Мой дорогой, простите, не сердитесь... Я не знал... Ей-Богу, не хотел вас обидеть, и к Женечке я отношусь с величайшим уважением... Ну, не сердитесь, полно...

Веригин то краснел, то бледнел и бестолково двигал руками.

– Ну, простите, дорогой... Что, в самом деле!.. Не всякое слово в строку! Я, ей-Богу, без всякого злого умысла, а просто, когда я спорю... Ну, выпьем, мой дорогой, и не сердитесь. Будет вам дуться на старика... Ведь я старик уже и вам в дедушки гожусь!

Веригину стало неловко, что старик так лебезит, и он насупился, решив быть во всяком случае выше пьяной болтовни. К тому же лошади еще не пришли с земской станции и не идти же пешком отсюда.

Прокурор молча посмотрел на него и вдруг заговорил тем жетоном, как будто ничего и не случилось.

– О невинных девушках я упомянул, собственно, только кстати, чтобы, знаете, намекнуть в некотором роде, что и в нас самих не без пятнышка... Хотя бы в виде эдакого полового пристрастия... Но это пустяки, а суть в том, что если бы развязать руки и дать возможность привести мерку абсолютной справедливости, то пришлось бы вычеркнуть из списков чуть не все человечество поголовно. Обширное аутодафе устроилось бы... Да!

Старый прокурор поверх свечи посмотрел в темноту ночи, и глазки его блеснули такой жестокостью, что следователь с отвращением подумал: «А ты бы мог это сделать с легким сердцем!»

И уже совсем ясно почувствовав, насколько выше он этого злого, никуда не годного старикашки, совершенно успокоился.

– Да, да, – задумчиво пробормотал старый медведь, – припоминаю я всех, кого знал, а знал я, дорогой мой, чрезвычайно много самых разнообразных людей, и вижу, что нет человека, который перед лицом справедливости абсолютной совершенно был бы чист и заслуживал по крайней мере лишения всех прав состояния. В широком смысле, конечно.

– Ну, уж и не одного! – неуверенно возразил следователь и вздрогнул не то от холода, не то от представившейся ему картины.

– Да, да... – насмешливо возразил старый прокурор. – Два праведника нашлось и в Содоме, но только, будь я Господом Богом, не стал бы я ради двух праведников, хотя бы и самых добротных, терпеть этак миллиардов двести, по самому скромному расчету, жившей на свете сволочи! Уж очень, знаете, очевидна несостоятельность такой, с позволения сказать, математики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.